

ным и непартийным свидетельствам источников» (стр. 137). Такими источниками он считает... евангелия и полемические упоминания об Иисусе в талмуде.

Осветив в подобном духе «предварительные вопросы» истории Христа, Штауфер переходит к самой истории. В хронологической последовательности он излагает жизнь и деятельность Христа, начиная с его присоединения к Иоанну Крестителю, основавшему общину в пустыне. О последней, как полагает Штауфер, говорят вновь найденные рукописи из района Мертвого моря. Между тем рукописи Мертвого моря не дают ничего нового о личности Иисуса Христа, что вынужден глухо признать и сам Штауфер.

Что же нового дает «история Христа» Штауфера? Ровным счетом ничего. Он излагает евангелия, не отступая от них ни на иоту. Историческим он признает и тайную вечерю, и пророческие слова Иисуса, и иудин поделуй. Арест Христа он изучает во всех деталях, как какую-либо военную операцию, придавая ему значение, о котором даже не помышляли авторы евангелий. Десяток страниц посвящен процессу над Иисусом Христом. Со смехотворной серьезностью разбирается вопрос об исчезновении тела Христа. Штауфер ставит его в связь с найденным в Палестине императорским декретом против разрушителей гробниц и похитителей трупов, забывая о том, что подобные декреты издавались неоднократно без всякой связи с «телом Христовым». Автор не сомневается и в воскрешении Иисуса Христа (стр. 189).

Как бы ни относились к писаниям Штауфера другие авторы тома, несомненно, его статья придает всему тому отпечаток косности и рутины. Нашему читателю даже трудно поверить, что книга с такой статьей появилась в 1955, а не в 1255 году.

В целом, несмотря на отдельные интересные главы, рецензируемая книга свидетельствует о том, что в области разработки древней истории в годы после Второй мировой войны буржуазная историография не только не продвинулась вперед по сравнению с уровнем тридцатых годов, но даже сделала в некоторых вопросах значительный шаг назад.

А. И. Немировский

«*Historia. Zeitschrift für alte Geschichte*», I, 4 (1952) — V (1956), Baden-Baden, со II тома Wiesbaden, Fr. Steiner Verlag.

О целях и характере международного журнала «*Historia*» информировал читателей ВДИ П. Н. Тарков в рецензии на три первые номера первого тома¹. Редактируют журнал Г. Бенгтсон (Вюрцбург), К. Штрохекер (Тюбинген) и Г. Вальсер (Берн) с рядом сотрудников. Содержание журнала делится на несколько разделов: статьи, научные сообщения, рецензии, сообщения о журналах и мелкие заметки. Наш обзор составлен тематически.

Древний Восток. Г. Бруннер (Тюбинген) дает обзор новых исследований по истории Египта до его завоевания Александром (III, стр. 106—120). В работе отмечается, что был закончен большой словарь египетского языка (Германская академия, 1926—1953) и издан «*Reallexikon der ägyptischen Religionsge-*

¹ ВДИ, 1952, № 3, стр. 113—118. Четвертый номер первого тома вышел только в 1952 г., выпуски второго тома выходили в 1953—1954 гг., выпуски третьего тома — в 1954—1955 гг. Начиная с четвертого тома (1955 г.) время выхода томов совпадает с календарным годом. Каждый том имеет четыре выпуска (всего около 500 страниц). Сдвоенный 2—3 номер четвертого тома был посвящен 70-летию В. Энслива.

schichte» (Berlin, 1952). Найдены новые источники, относящиеся ко времени I и II династий (гробницы), Древнего царства (пирамиды и храмы), к периоду между Древним и Средним царствами (исторические надписи), к правлению Тутмоса III, Аменофиса II (документы о должниках, ставших рабами?) и эфийской династии. Очень важна дискуссия о ходе объединения Египта. Завоеванию Египта гиксосами предшествовал почти пятидесятилетний период упадка. Автор исследует влияние гиксосов на египетскую экономику (на металлургию, в частности), указывает на все усиливающееся влияние греческих солдат во времена XXVI династии.

В заключение автор останавливается на календаре и все еще неточной хронологии древнейшего периода (согласно всеобщему мнению, начало XII династии — около 2000 г. до н. э., а Менеса относят ко времени 2850 г. (Шток, Шарф) и 3200—3100 гг. (У. С. Смит, Паркер и др.). Центр тяжести новых исследований падает на изучение египетской культуры и прежде всего религии, в то время как экономические и социальные вопросы остаются в тени; в работе Бруннера мы все время встречаемся с понятием «феодализм» в Древнем царстве и т. п.

Проведенный Ф. М. Гейхельгеймом (Торонто) анализ относящегося ко времени около 1150 г. до н. э. пространного гьератического папируса² (II, стр. 129—135) подтверждает, что многие черты египетского земледелия эллинистической и римской эпох (некоторые формы имущественных отношений, деление почвы на категории по качеству, планирование посевов, некоторые категории чиновников) непосредственно связаны с эпохой фараонов. Гейхельгейм усматривает все же разницу (и прежде всего в ремесле) между «полуфеодальным» Египтом эпохи фараонов и «капиталистическим» птолемеевским Египтом.

Статьи Б. Шпулера (Гамбург) «Хорезмийская культура по исследованиям С. П. Толстова»³ (I, стр. 601—615) и Б. Рубина (Эрланген) «Возникновение кавалерии катафрактариев в свете хорезмийских раскопок» (IV, стр. 264—283) рассматривают советские исследования в Средней Азии. В основу сообщения Шпулера положены две монографии С. П. Толстова, вышедшие в 1948 г., и некоторые более поздние его статьи и статьи его сотрудников, опубликованные в ВДИ, «Вопросах истории», в «Известиях АН СССР» и других органах. Заслугой Толстова, пишет Шпулер, является то, что он открыл новую эпоху в истории Хорезма. Шпулер суммирует прежде всего результаты археологических исследований; его теоретические взгляды проявляются в значительно меньшем внимании к выводам С. П. Толстова об общественном строе, а также в многочисленных оговорках относительно этих выводов.

Рубин в своей статье рассматривает некоторые подробности возникновения и развития панцирной кавалерии. Он согласен с основными выводами главы IV «Древнего Хорезма» Толстова и постоянно их придерживается. Автор исследует ассирийское влияние на возникновение катафрактариев, их проникновение в Причерноморье, Парфию, Рим и Китай; он прослеживает эволюцию римской кавалерии (со времени Цезаря) и подчеркивает значение галопа, занесенного с кельтско-германского и иранско-туранского просторов, для развития средиземноморского военного искусства во времена господства «классической» формы. Перечень литературы (стр. 279—283) содержит много русских и советских работ, которым Рубин дает высокую оценку.

Побережье Эгейского моря в бронзовый век. Результаты исследований 1940—1950 годов собраны в интересном сообщении А. Дж. Б. Уэйса (Александрия) «История Греции в III и II тысячелетиях до р. Х.» (II, стр. 74—94, библиография стр. 74—75). Во вступлении Уэйс отвергает точку зрения, переоценивающую при интерпретации археологического материала внешние влияния и роль набегов. По его мнению, можно считать, что в общих чертах хронология этого периода установлена; точной же до сих пор не

² A. U. Gardiner, The Wilbour papyrus, I—III, 1948.

³ Cp. B. Spuler, Zur Übersetzung von S. P. Tolstov «Auf den Spuren der altchoresmischen Kultur», B., 1953 («Historia», III, стр. 253).

существует. Далее автор рассматривает еще некоторые проблемы — отвергает, например, теорию о северном происхождении греческой неолитической культуры. В Элладе не существует преемственности между неолитом и ранней бронзой; культура RH⁴ имеет родственные черты с культурами RM и RK, она явно не индоевропейская, и Уэс ищет ее родину на западе Малой Азии. Начиная с последних попыток уточнить египетскую хронологию (Шток), начало эпохи RM относится приблизительно к 2600 г. (Матц), однако, это очень спорно. Период SH датируется между 2000—1900 и 1600—1550 гг., эпоха RH кончается перед самым 1100 г. Между периодами RH и SH имеется археологический разрыв. Новое население Уэйс считает греками. Отметив непрерывность перехода от эпохи SH к эпохе RH, Уэйс рассматривает обстоятельства возвышения Микен. Все больше оснований приобретает теория о господстве Микен самое позднее начиная с RM II (во время RM III прослеживается их влияние в Малой Азии, Сирии и Палестине). Установленная Фурумарком хронология периода поздней бронзы, по мнению Уэйса, излишне подробна и уточнена; египетские и хеттские синхронизмы дают возможность датировать правильно, но не абсолютно точно. Новые находки на Кипре и в Киликии свидетельствуют против теории о нарушении связи центра микенской культуры с ее периферией в конце эпохи RH III C. Датировка циклопических сооружений остается спорной (Уэйс относит их к последней трети XIV в.). Эти постройки, кроме микенской крепости, были уничтожены почти на 100 лет раньше, чем сама микенская крепость (до 1210 г.); вероятно, дело дошло до внутренней (династической? — Атрей и Фиест) борьбы и осады Микен. Цитадель была уничтожена дорянами. Преемственность между периодами поздней бронзы и железа свидетельствует о том, что новые пришельцы были родственны прежнему населению Греции.

Сообщение Вл. Милойчича (Мюнхен) (IV, стр. 466—473) посвящено новым раскопкам (начиная с 1953 г.) в районе Лариссы. Неолитическое развитие северо-восточной Фессалии является гораздо более сложным, чем считалось ранее; до культуры Сескло обнаружены еще четыре неолитические фазы, в каждой из которых имеются три ступени развития (в средней — следы жилища типа мегарон, в связи с этим необходимо пересмотреть теорию о его северном происхождении). Для изучения культур Димини и Рахмани эти раскопки также имеют большое значение. В Гремнос-Магула, на северном берегу Пеней было обнаружено поселение, обитаемое начиная с протогеометрического периода до эпохи Римской империи. Это место (древняя Аргура?) было известно уже в архаический период, а может быть, и раньше. Поселение в эпоху SH было, вероятно, греческим. Милойчич снова отмечает возможность преемственности между эпохами RH и SH (греческое поселение в период RH?).

Х. Дж. Стар (Иллинойс) в своем сообщении «Миф о минойской талассократии» (III, стр. 282—291), ссылаясь на археологические данные, указывает, что представление об абсолютном минойском господстве (или в период RM уже греческом?) Крита над Эгейским морем возникло в результате ошибочного (в соответствии с современным колониализмом) и модернистского освещения проблем древности. У критян не было специального военного флота, они не выработали систему контроля над морем, а, напротив, занимались пиратством.

У. Э. Браун (Истон) в сообщении «Владение землей в микенском Пилосе» (V, стр. 385—400) анализирует пилосские таблички Ea 28—Eq 146, сравнивает их прежде всего с данными гомеровского эпоса и приходит к выводу, что в Пилосе существовала земля, находившаяся в частной собственности свободных (ktoinai ktimenai), сдававшаяся в аренду некоторым свободным и рабам, и общественная земля (ktoinai kekeimenai), пожалованная «царям» и военачальникам как temenos и во владение «landed gentry» — ktioookchoi и некоторым другим лицам. Пастбищами распоряжались «верховные пастухи», имевшие право сдавать часть земли (гомеровские ἐρχαταί?) в аренду

⁴ В настоящем обзоре приняты следующие сокращенные обозначения археологических периодов: RH — раннеэлладский, SH — среднеэлладский, PH — позднеэлладский; RM, SM и PM — соответственно ранне-, средне- и позднеминойский; RK — раннекикладский.

частным лицам, которые обрабатывали ее и постепенно захватывали на правах собственности. Браун понимает трудности анализа табличек и предварительность своих выводов; некоторые его построения (например, понимание терминов *кама* и *камаеус*) чрезвычайно смелы и при современных возможностях прочтения линейного письма В кажутся преждевременными.

Время возникновения греческих городов-государств. М. Ланг (Брин Мар) в статье «Убийство Гиппарха» (III, стр. 395—407) пытается с помощью анализа сочинения Фукидида (VI, 53, 3 сл.) установить подлинный ход действий заговорщиков против тиранов и возникновение различных версий традиции о борцах против тирании. Д. М. Лиги (Манчестер) (IV, стр. 26—38) считает перенесение останков Тизамена из ахейской Гелики в Спарту (так же как и состоявшееся ранее перенесение останков Ореста из Теги) составной частью дипломатии Спарты и датирует его между 560 и 555 годами.

В статье Ф. Р. Вюста (Мюнхен) «Амфикимония, конфедерация, симмахия» (III, стр. 129—153) высказывается предположение, что коллективность, т. е. взаимное поручительство, а не двусторонние договоры с гегемоном, были основой дельфийской симмахии(?) и антиперсидского союза греческих городов в 481 г.; по мнению автора, на форму последнего особенно сильно повлиял пример дельфийской амфикимонии, происхождению и развитию которой посвящена первая, наиболее важная часть статьи. Дельфийская амфикимония образовалась из местного племенного союза у Малийского залива (название Амфикион?); речь идет об ионическом союзе (первоначальное староионическое деление—12 гиеромнемонов—сохранилось и позднее), подорванном или уничтоженным дорийским переселением. Но его форма—коллективизм—сохранилась и легла в основу новой, надгосударственной организации—исторической дельфийской амфикимонии.

М. П. Нильсон (Лунд) в статье «Ранняя Греция с точки зрения ее внутренней истории» (*von innen gesehen*) (III, стр. 257—282) высказывает свои замечания об экономической истории ранней Греции. Мы рассмотрим только наиболее важные. От каких-либо выводов относительно минойской эпохи автор воздерживается. В микенскую эпоху он подчеркивает значение Микен как экономического центра (склады и мастерские в пригородах Микен, гончарная мастерская возле Микен, сеть дорог). Гомеровский эпос изображает в основном преддорийский общественный строй; речь идет о «свободном феодальном государственном строе» (стр. 263). Рассуждения Нильсона о филах наглядно показывают, к чему может привести незнание общих положений о развитии первобытного человеческого общества (стр. 264—265): оперируя поверхностными этимологиями названий ионических фил (вооруженные люди, пастухи, благородные люди, земледельцы), автор приходит к выводу, что ионийцы (а, возможно, и ахейцы) в преддорийскую эпоху были разделены на «классы» по социальному положению. Позже, особенно вследствие неурядиц во время переселения дорийцев, сохранилась формальная принадлежность к этим классам. Так, по мнению Нильсона, произошел переход от «классов» к «племенам», «доказывающий», что кастовость была неприемлема для социального ощущения греков (!). Вопрос о собственности на землю Нильсон считает основной проблемой архаической эпохи. Кроме разбора надписи из Эпизефирских Локр (Wilamowitz, SB Berl. Ak., 1927, стр. 7 сл.), его анализ проблем агициной истории не дает ничего нового. Причиной великой колонизации, говорит Нильсон, является перенаселение и недостаток земли; развитие ремесла и торговли в городах является другой формой решения земельного вопроса. Модернистский взгляд на тиранов, «опирающихся на пролетариат», не вносит в решение вопроса ничего нового.

Большинство статей, касающихся истории V в., посвящено его запутанной хронологии и спорным частным вопросам (поводом для этого часто служит издание ATL и комментарии Гомма к Фукидиду); проследить тонкую (иногда сверхсложную) аргументацию этих статей вкратце невозможно, ограничимся изложением основных выводов.

Хронологические методы Геродота очень подробно исследуют Н. Дж. Л. Гаммонд (Клифтон) (IV, стр. 371—411) и Г. Штрасбургер (Франкфурт н/М.) (V, стр. 129—161).

Оба они в принципе защищают достоверность датировки Геродотом (Гаммонд также и Фукидидом) событий V века и более ранних и исследуют источники его хронологических выводов. Гаммонд восстанавливает хронологию войн Афин с Эгиной, греко-персидских войн и «пятидесятилетия». Традиционную дату архонтата Фемистокла защищает Р. Дж. Ленардон (Колумбия) (V, стр. 401—419). П. А. Брант (Оксфорд) в своей статье «Эллинский союз против Персии» (II, стр. 135—163) полемизирует с авторами ATL, без оснований недооценивающими размах греческого союза 481 года и переоценивающими роль Спарты в этом союзе. Делосский морской союз во многом был связан с греческим союзом, но не был его частью и существовал наряду с ним. И, наконец, Г. Бенгтсон (III, стр. 301—307), интерпретируя так называемый папирус Sossyla («Hermes», 41, 1906, стр. 103 сл.), доказывает, что властелин Карики Гераклеид участвовал в битве у Артемисии в 480 г.

В рецензируемом журнале дискуссию вызвал вопрос о хронологии «пятидесятилетия». Центральным вопросом дискуссии является спорность сроков так называемой третьей Мессенской войны (спорно δεκάτῳ ἔτει — Thuc., I, 103,1). Т. Д. М. Льюис (Оксфорд) (II, стр. 413—418) и Х. Н. Ван Рой (Блумфонтейн, Южная Африка) (III, стр. 407—412) отвергают чтение δεκάτῳ, в то время как И. Шарф (Геттинген) (III, стр. 153—162) и Гаммонд в вышеупомянутой статье защищают его. По их мнению, третья мессенская война происходила в 469/8—460/59 гг.; сильное землетрясение в Спарте в 464 г. вызвало самую опасную фазу этой войны (подробнее см. у Гаммонда, установившего, что имели место два вспомогательные похода афинян в Спарту в 464 и 462 гг. — таблица на стр. 381).

Дж. Барнс (Оксфорд) (II, стр. 163—176) доказывает, что сообщение Диодора о походе Кимона на Кипр в 450/49 г. является контаминацией двух походов, первый из которых (462 г.) Фукидид не описывает. Борьбу в Египте Барнс относит к 461—456 гг. К очень похожим выводам приходит И. Шарф в статье «Первая египетская экспедиция афинян» (III, стр. 308—325). Между 464/3 г. и летом 462 г. Кимон предпринял поход на Кипр; когда суда были отведены в Египет, Кимон вернулся в Афины, где между тем возвысился Эфиальт (у Барнса также). Потери афинян в Египте обычно преувеличиваются. Египетский поход явился выражением аристократической внешней политики Кимона (со Спартой против Персии). А. Э. Раубичек (Принстон) (III, стр. 379—380) предполагает, что годом возвращения Кимона из изгнания и началом пятилетнего перемирия со Спартой является 458/7.

С выводами авторов ATL перекликаются три следующие статьи. Р. Сили (Бангор) (III, стр. 325—333) отвергает их утверждение, что вследствие заключения Каллиева мира, сообщение о котором он считает недостоверным, флорос с афинских союзников в 449/8 г. не взимался; это произошло в 447/6 г., когда афиняне были ослаблены в битве у Короней. А. У. Гомм (Глазго) полемизирует с Мериттом в статьях «Thucyd., II, 13,3» (II, стр. 1—21) и «Thucyd., II, 13,3: ответ профессору Меритту» (III, стр. 333—338; ответ на критику Мериттом статьи автора в «Hesperia», 23 (1954) стр. 185—231). Речь идет о состоянии резервов афинских финансов в начале Пелопоннесской войны. Гомм защищает текст рукописей Фукидида, реконструирует состояние афинской казны в 454/3—432/1 гг. (максимум — 9700 талантов в 446/5 г.) и исследует источники поступлений и цели выдач. Обе статьи Гомма исходят в принципе — и, по моему мнению, совершенно справедливо — из критики методов Меритта и других авторов ATL, которые на основе очень сомнительных и весьма гипотетических комбинаций с отрывочными данными финансового учета стремятся воссоздать полную картину состояния финансов Афин.

В статье «Происхождение демократии» (I, стр. 515—548) В. Эренберг (Лондон) основателем афинской демократии считает Клисфена (критерием служит решающее влияние народного собрания и совета). Но полное выражение «идеи демократизма» находят лишь тогда, когда появляется их законченная терминология. В Афинах это произошло совершенно определенно в 90-х годах V в. (анализ «Просительниц» Эсхила, текстов Геродота, III, 80—82, понятий *δημοκρατία* и *ισονομία*). Экономические и социальные основы афинской демократии Эренберг не исследует; ясно, что изучение тер-

минов для решения данной проблемы может иметь лишь вспомогательное значение. Г. Штрасбургер в статье «Геродот и Афины Перикла» (IV, стр. 1—25) посредством анализа сочинения Геродота (V, 55—96; VI, 121—131) опровергает существующее мнение, что Геродот прославляет Афины времени Перикла, самого Перикла (доказательств того, что Геродот был близким другом Перикла, нет) и демократию как абстрактную государственную форму. Геродот был последователем панэллинской точки зрения (Фурии!) и прославлял Афины лишь постольку, поскольку они стояли во главе общей борьбы греков против персов.

В статье Дж. Э. М. Де Сэнт Круа (Оксфорд) «Характер Афинской державы» (III, стр. 1—41) делается попытка доказать несправедливость утверждения, будто союзники афинян ненавидели их. «Было ли или не было господство Афин политическим притеснением и экономической эксплуатацией», масса граждан союзных общин приветствовала это господство на протяжении всего существования державы. Автор не репает вопроса об объективном характере Афинской державы, а лишь рассматривает отношение к Афинам граждан союзных общин. Основное доказательство автора следующее: восстаниями руководили олигархи, сторонники Спарты (когда же не достаёт доказательств, автор пользуется предположениями: «правдоподобно, что...»). Широкие массы граждан были лояльны по отношению к Афинам и во время Пелопоннесской войны. Греческие общины в IV и уже в V вв. были разделены на бедных и богатых. Так называемая «греческая страсть к автономии полиса» (Эренберг) часто отступала перед классовым чувством; демократы и олигархи часто отдавали предпочтение неполной автономии и зависимости перед преобладанием другой партии. Действительно, афинский народ поддерживал сторонников демократии в союзных общинах, но «не экспортировал революцию», а напротив, у него часто просили помощи, чем сами союзники способствовали превращению союза в империю. Автор не хочет защищать империю, так как афиняне в определенной степени эксплуатировали союзников. С точки же зрения народа союзных общин, афинская гегемония, совершенно очевидно, имела больше положительных сторон, чем отрицательных.

Совершенно правильно автор придает такое большое значение классовым интересам в греческих государствах. Но нельзя картину расстановки классовых сил, взятую у Аристотеля, в неизменном виде переносить в V в. Подобное решение вопроса является таким же односторонним, как и точка зрения его противников, и звучит, независимо от того, хочет ли этого автор или нет, как защита империализма (при определенных условиях). Политическая направленность статьи выступает особенно явно, когда автор противопоставляет демократию «в марксистском понимании» (власть бедных в интересах только бедных) демократии в «нашем» понимании, являющейся будто бы властью всех.

В статье «Афины и Мелос в Мелосском диалоге Фукидида» (II, стр. 253—273; приложение III, стр. 58—59) М. Треу (Мюнхен) стремится доказать, что Мелос не был нейтральным, когда на него в 416 г. напали Афины: с 425 г. он был членом афинской империи и задолжал Афинам часть дани, что явилось причиной похода афинян. Фукидид не упоминает об этом потому, что в «Мелосском диалоге» он хотел изобразить не фактическое положение (*Geschichte als Tat*), а «*Geschichte als Gedanke, Gesetz und Wille*» (стр. 273), а также потому, что для него речь шла о вневременной теме, о какой-то «*Diätetik der Macht*» (J. Vogt, *Dämonie der Macht, Welt als Geschichte*), 10 (1950), стр. 9). Как решение автором фактических вопросов (авторы ATL и другие исследователи предполагают, что Мелос никогда не платил фдорос, что его привлечение в союз в 425 г. было чисто формальным), так и его теоретические построения и терминология вызывают недоверие. Разъяснение содержится в его следующей статье «Стратег Демосфен» (V, стр. 420—447). Подробно анализируя тактику Демосфена (особенно рассматривая систему опорных пунктов *ἐπιτεταχισμός* на неприятельской территории), Треу приходит к выводу, что тактика Демосфена знаменовала собой крупный шаг вперед в сравнении с тактикой Перикла. Тактика Демосфена имела смысл для широко задуманных стратегических планов и главным образом для «стратегии простора». Это привело к тому, что Демосфен стал «одиноким, непонятым предшественником нового века»

(стр. 447). В истории там существует «пространственная связь событий», где «порывы пространственного инстинкта поднимаются до сознания пространства, где человеческий дух включает пространство в свои планы» (стр. 446—447). Источник этих рассуждений Треу становится в данном случае вполне понятным, поскольку он снова прибегает к цитатам из Фогта, на сей раз из его статьи «Понимание пространства и пространственный порядок в римской политике» в официальном нацистском сборнике «Das neue Bild der Antike» (II, 1942, стр. 100 слл.). В конце этой статьи говорится о «чувстве пространства» германских вождей (!).

Конституции Афин во время Пелопоннесской войны посвящена статья Де Сэнт Круа (V, стр. 1—23). Автор пишет, что нет доказательств для утверждения, будто афинская конституция 411—410 г. лишала фетов основных политических прав в народном собрании и в суде; *ὄπλα παρεχόμενοι* имели исключительное право на завятие официальных должностей, но народное собрание могло лишить их этого права, что и было в действительности скоро сделано. Тридцатая глава «Афинской политики» Аристотеля не описывает умеренно демократическую конституцию пяти тысяч, которой симпатизировал умеренный демократ Фукидид.

Э. Рушенбуш (Гамбург) (V, стр. 123—128) указывает, что на задней стороне плит с фрагментами афинского кодекса 403 года сохранились обломки кодекса тридцати тиранов, а не закона 410—405/4 годов.

Взаимоотношения Афин и Карфагена во время Пелопоннесской войны рассматриваются в статьях М. Треу (III, стр. 41—57; двойная версия Фукидида об отношении Алкивиада к Карфагену дает возможность показать развитие его представлений об Алкивиаде) и К. Ф. Штрохекера (III, стр. 163—171), который проводит интересный анализ надписи SEG, X, 136 от 407/6 г. о переговорах между Афинами и Карфагеном, направленных против сицилийских греков.

Тот же К. Ф. Штрохекер в статье «Начатки монархической теории в софистике» (II, стр. 381—412) приходит к заключению, что взгляды Платона, Ксенофонта и Исократ на правителей (*Herrschertheorie*) являются откликом на возрастающее значение монархической власти в Греции в ту эпоху; они вызывают софистический спор, вытекающий из антитезы хороший — плохой правитель. Отклики на начало этого спора автор прослеживает у Геродота, Фукидида и Эврипида.

Период кризиса города-государства. Р. Сили в статье «Каллистрат из Афидны и его современники» (V, стр. 178—203) прослеживает карьеру этого афинского политического деятеля первой половины IV в., а также проводит просопографическое исследование изменений в составе ведущих политических групп в Афинах в этот период. Автор приходит к очень одностороннему (в статье рассматривается только внешняя политика) и неверному выводу о том, что политику Афин в первой половине IV в. нельзя рассматривать с точки зрения экономических и классовых отношений, а только с точки зрения соотношения сил этих политических групп. Р. Е. Смит (Манчестер) в статье «Оппозиция внешней политике Агесилая в 394—371 гг. до р. Х.» (II, стр. 274—288) указывает, что в Спарте наряду с антиафинской линией Агесилая существовала еще антиафинская линия группы Агесиполия и Клеомброта.

С помощью очень сложной аргументации В. ден Бёр (Лейден) в статье «Политическая пропаганда в греческой хронологии» (V, стр. 162—177) стремится показать, с какой целью и каким образом, оперируя именами царей Спарты, спартанские политические деятели и историки начала IV в. создали ошибочную, сохранившуюся и у Платона, традицию в изображении Мессенской войны, будто бы помешавшей Спарте в 490 г. оказать помощь Афинам в борьбе против персов.

К источникам по истории Сицилии IV в. обращаются Л. Фойт (Мюнхен) в статье о жизнеописаниях Диона, принадлежащих Непоту и Плутарху (III, стр. 171—192) и Г. Д. Уэстлэйк (Манчестер) — «Сицилийские книги „Филиппик“ Феопомпа» (II, стр. 288—307; попытка определить их объем и характер).

Очень характерен большой интерес к личности Александра Македонского и выбор тем по этому вопросу. Сообщение Р. Андреотти посвящено историографии Александра в 1940—1950 гг. (I, стр. 583—600). Эта статья показывает, что дискуссия раз-

вернулась прежде всего вокруг личности Александра, его военных операций и политической деятельности; экономическим и общественным проблемам уделялось минимальное внимание.

Источники, в которых сохранились сообщения об Александре, рассматривает Л. Пирсон (Стенфорд) (III, стр. 429—455). Дневник Александра (*Ἡμερίδες*), так называемые *Σταθμοί*, его письма, завещание и т. д. — все без исключения были подделками эллинистической эпохи; разумеется, когда-то они основывались на подлинных документах или же (*Ἡμερίδες*) на достоверных источниках (например, сообщения Птолемея). Две статьи Ф. Р. Вюста — II, стр. 177—188 (с важными коррективами в III, стр. 418—431 (источником для Арриана служило сочинение Клитарха; «торжество смирения») касаются событий в Описе в изложении Арриана. Ф. Мерлан анализирует письмо Исократу Александру (*Epist.*, 5) (III, стр. 60—81). Письмо подлинное; оно предостерегает Александра от академического воспитания, все внимание сосредоточивающего на эвристике и не подходящего для деятельности правителя; в этом письме — квинтэссенция исократовой философии воспитания и сжатое повторение его борьбы в течение всей жизни с академией.

Важнейшие вопросы идеологии Александра рассматриваются в статье Р. Андреотти (V, стр. 257—302). Подробно исследуя на основе широчайшего круга документов развитие греческих этико-политических понятий и теорий в VI, главным образом, в IV в., Андреотти показывает, что развитие греческой мысли не было нарушено или неожиданно изменено влиянием гения Александра. Автор указывает, между прочим, на развитие антитезы греки — варвары, в которой критерием постепенно становится образованность, а не этническая принадлежность, на понятие *ὁμόνοια*, образ совершенного правителя и т. д. Традиция придала Александру и его взглядам самое разнообразное выражение в зависимости от обстоятельств и нужд каждой эпохи, в которую она создавалась.

Эллинистический Египет ⁵. Г. Бенгтсон (III, стр. 456—463) исследует несколько надписей 242 года с Коса, очевидно, в то время союзника Птолемеев (*Abh. Berl. Akad.*, 1952, I). Г. Фолькман (Кельн) (V, стр. 448—455) рассматривает культ Птолемеев (по финикийским надписям) в городах (кроме Александрии) в первой половине III в. и его влияние на сравнительно быструю эллинизацию Кипра. Просопографические проблемы государства Птолемеев первой половины II в. изучают В. Переман и Е. Ван'т Дак (Лувен) в статье «По поводу одной гортинской надписи» (*IC, IV, 208*): Птолемей Макрон, Нумевий и Гиппал» (III, стр. 338—345).

Держава Селевкидов. Несколько новых дат, найденных в клинописном списке царей, приводит Г. Бенгтсон (IV, стр. 113—114). Заслуживает внимания обширная статья А. Эймара (Париж) «Вокруг вступления на престол Антиоха IV» (II, стр. 49—73). С помощью коррективов в родословной Селевкидов этого периода Эймар опровергает существовавшее до сих пор представление (главным образом Бевана) об обстоятельствах вступления на трон Антиоха и показывает, что Антиох захватил власть сразу же после смерти Селевка IV (не позже начала 174 г.). Особенно интересны выводы автора в широком плане; он упрекает исследователей в том, что они смешивают эллинистическое династическое право с современным и считают греков монархистами. Автор сознает, насколько смело делать общие выводы из столь частных фактов, да к тому же еще гипотетических. Но, говорит Эймар, «отказываясь заниматься общими проблемами, мы осудим науку быть самоцелью; моей же слабостью является с радостью воспользоваться случаем, если он представляется, и использовать науку как средство» (стр. 73). Следует приветствовать ту точку зрения Эймара, что при интерпретации даже самых мелких фактов можно и нужно не забывать о более широкой взаимозависимости явлений.

Греция в эллинистическую эпоху. М. Треу (III, стр. 219—228) изучает возникновение «Истории» Полибия в связи с несохранившейся биографией Филопемена, принад-

⁵ Ср. статью Гейхельгейма (см. выше, стр. 175).

лежащей Полибии. В статье «Время заключения этолийско-акарнанского союзного договора» (IV, стр. 46—51) Г. Клаффенбах (Берлин) приводит новые доказательства для датировки надписи IG, IX², 1, 3A временем до 262 г. до н. э.

Несколько в стороне стоят две статьи о *топонимике Малой Азии*: статья У. Карштедта (Геттинген) (III, стр. 232—301) и ответ на нее Дж. М. Кука (Бристоль) (IV, стр. 39—45). Авторы приходят к различным выводам, решая вопрос о положении Палайскеписа и значении частицы Palai- в названиях местностей Малой Азии и других районов.

Северное Причерноморье. Статья Р. Вернера (Мюнхен) «Династия Спартокидов» (IV, стр. 412—444) является одной из немногих, в которой благодаря ее теме использована советская литература, и то не в полной мере. Так же как и Шпулер (см. стр. 175), Вернер приветствует советские археологические исследования, но его отношение к выводам советских ученых «зарезервировано». В первой части статьи подробно рассматривается хронология Спартокидов (стр. 415—430 и таблица на 430 стр.). Упомянем только некоторые, наиболее значительные отклонения от данных В. Ф. Гайдукевича в работе «Боспорское царство». Вернер отвергает принятую в настоящее время точку зрения В. В. Латышева, что «Seleukos» у Диодора (XII, 36, 1)—описка вместо «Satyros»; Селевк был, по его мнению, младшим братом и соправителем Сатира I в 433/2—393/2 гг. Имеются мелкие отклонения в датировке событий после смерти Перисада I, которую автор относит ко времени до 311/10 г. Для хронологии III и II вв. до н. э. Вернер использует нумизматические источники, но не знаком с работой А. Н. Зографа «Античные монеты». Вторая часть статьи (стр. 430—444) посвящена титулам Спартокидов и династическим проблемам. Воцарение Спартокидов не было делом рук Афин. Титул архонта они переняли у Археанактидов; архонт — это тиран, опорой которого являются солдаты (часто иностранные — сравнение с сицилийской тиранией). Сосредоточение власти было необходимо для подавления варваров, а вообще Спартокиды были «мирные» и стремились ввести у себя греческий образ жизни. Участие младшего брата в правлении, очевидно, вплоть до эпохи Перисада I было династическим правилом. Закрепившийся, начиная со Спартока III, титул βασιλεύς связан с развитием эллинизма. Некоторые замечания Вернера могут помочь в выяснении отдельных фактов истории Боспорского царства. Но он не знаком с частью советской литературы (например, он не знает даже работ С. А. Жебелева) и следует формальному методу комбинаций, не принимая во внимание, например, состав населения Боспорского царства, а также его отношение к варварам и т. д. Автор бездоказательно отвергает вывод В. В. Струве о восстании Савмака (ВДИ, 1950, № 3, стр. 23 сл.).

Рим. Историография. Статья Ф. Бёмера (Бонн) (II, стр. 189—209) посвящена развитию римской историографии от Фабия Пиктора до Целия и Азеллиона. Автор отвергает деление ранних римских историков на анналистов и прагматиков. По его мнению, от Фабия до Веннония римская историография развивалась по негреческому образцу (изложение ab urbe condita, регистрация событий в форме летописи). Затем постепенно под греческим влиянием у Кальпурния Пизона, Кассия Геминия и особенно у Фанния появляются налеты прагматизма и попытки нарушить господствующую со времени Фабия Пиктора практику. Первым преодолел ее Целий Антипатр, создавший историческую монографию; Азеллион был первым теоретиком нового направления, которое по существу означало победу влияния Панэтия и кружка Сципиона.

Ю. Вольский (Вроцлав) на примере завоевания Рима галлами (V, стр. 24—52) рассматривает достоверность и развитие традиции в освещении раннего периода римской истории. Анализируя сообщения Полибии и сравнивая их с археологическими данными, автор приходит к заключению, что не только все известные из Диодора, Ливия и др. подробности о завоевании Рима являются целиком неисторическими, но что и сообщения Полибии не свободны от неисторических добавлений. Нашу осведомленность в этих вопросах Вольский выразил следующей латинской фразой: «Celtae Romanis ad Alliam fugatis urbem praeter Capitolium ceperunt, accepto praemio ab obsidione discesserunt». Вольский исследует методы младших анналистов (дублирование и заимствования из позднейшей истории для удовлетворения правил риторики и успокоения публики).

Эпоха республики. Проблеме государственного управления посвящено сообщение Е. Стюарта Стевли «Конституция римской республики» (V, стр. 74—122). Автор дает критический анализ литературы 1940—1954 гг. (перечень приведен на стр. 120—122) и предлагает несколько своих решений. В вопросе о возникновении и развитии центуриатного управления Стевли защищает (в противовес ряду исследователей) мнение о его происхождении (как организации армии) в царскую эпоху. Возникновение центуриатного народного собрания он, как и большинство исследователей, относит к началу V в. В основном такой же датировки придерживается Е. Шёнбауэр в статье «Римское центуриатное устройство в свете нового рассмотрения источников» (II, стр. 21—49): реформа, установившая центуриатный строй, преодолела «родовое государство», она была направлена против патрициев. Центуриатное народное собрание было, однако, аристократическим и консервативным. Другой темой, рассматриваемой в статье Стевли, является *lex curiata*. Вопрос о его происхождении (царская эпоха?) не решен. Автор склоняется к точке зрения тех ученых, которые связывают *lex curiata* с действием права *auspicii* (Стевли: *auspicia maxima*), а не с *imperium*. В вопросе о происхождении *консулата* большинство исследователей (в том числе Стевли) признают традиционную теорию о свержении царей и дату возникновения консулата. Защищает автор и традиционное толкование консульской коллегияльности (защита против восстановления царской власти); по этому вопросу было выдвинуто много других решений, часто необоснованных. За традицию стоит Стевли и в вопросе о происхождении диктатуры, но он сомневается, что вето трибунов было действительно и против решений диктаторов. Что же касается *существа imperium*, то Стевли не высказывается ни против точки зрения Моммзена (неделимость, неограниченность, царское происхождение), ни за республиканское происхождение этой формы власти (Хойс, Вочи, Коли). Вероятно, в царскую эпоху *imperium* был временной военной властью (над союзниками?), в эпоху же республики он приобрел новое, более широкое содержание. Последней проблемы, реформы центуриатного народного собрания в III в. до н. э., касается также вторая часть указанной выше статьи Шёнбауэра. Публикация так называемой «*tabula Hebana*»⁶ вызвала оживление дискуссии, но данные, извлекаемые из таблицы, толкуются очень различно. Интерпретируя эти данные и решительно исправляя Цицерона, «*De leg.*», 2, 22, 39, Шёнбауэр пришел к выводу, что согласно реформе (она была проведена К. Фламинием около 323 г. в интересах среднего слоя крестьян, голосующих в первом классе) в каждой трибе имелись две «*Stimmtribus*», так что общее число голосов составляло $70 + 18$ голосов всадников $+ 1$ *capite censi* = 89; классы сохранялись только внутри *Stimmtribus*. Стевли в своем исследовании опровергает точку зрения Шёнбауэра. Анализ остальных точек зрения показывает, что в частности не достигнуто удовлетворительных и совпадающих выводов. В общем же установлено, что реформа была проведена в интересах нобилитета и против богатеющих торговцев из городских триб, так как центр тяжести реформы лежит в установлении порядка голосования при выборах центуриатных властей по трибам. Сообщение Стевли, кроме всего прочего, представляет ценность еще благодаря критике гиперкритицизма.

Тот же автор в статье «*Provocatio* в V и IV вв. до р. X.» (III, стр. 412—428) приходит к заключению, что закон Валерия Публикола от 507 г. — неподлинный. Фактически возможность обращения к народу существовала с первой половины V в. (по законам XII таблиц и для уголовных споров). Теперь же, согласно закону Валерия от 300 г., была введена обязанность магистрата иметь в виду *provocatio* при смертной казни и при телесном наказании. Наконец, в статье «Проведение выборов во время *interregnum*» (III, стр. 193—211) Стевли защищает (против Моммзена и др.) и углубляет точку зрения, что в республике *interrex* сам выбирал двоих из кандидатов в консулы и представлял их народному собранию только для утверждения.

Ф. М. Гейхельгейм (III, стр. 211—219) по сагунтским монетам датирует договор

⁶ «*Anzeiger der österreichischen Akad., phil.-hist. Kl.*», 1950, стр. 87 сл. Речь идет о неполной надписи о *rogatio* от 19 г. н. э. относительно оказания Германику посмертных почестей.

между Сагунтом и Римом, относя его ко времени до 226 г., и исследует роль этого договора при возникновении Второй пунической войны. Г. Вальсер в статье «Причины первой римско-иллирийской войны» (II, стр. 308—318) высказывается за достоверность сообщения Аппиана (III, 7) против откровенно проримского Полибия (II, 2—12). Г. Скаллард (Лондон) в заметке о Каннах (IV, стр. 474—475) сообщает подробности битвы 216 года.

Просопографический характер носят заметки Т. Р. С. Браутона (Брин Мар) «Заметки о римских магистратах» (II, стр. 209—213; М. Антоний оратор, Марий, надпись 'Арх. Δελт., 1889, 133, 13), Г. Бенгтсона «Кв. Цецилий Метелл Целер (cos. 60 г.) и индусы» (III, стр. 229—236) и две статьи Р. Сайма (Оксфорд): IV, стр. 52—71 (список 45 сенаторов, не включенных Браутоном в работу «The Magistrates of the Roman Republic», 1—2, N. Y., 1951—1952) и V, стр. 204—212 (дополнение 41 имени, отсутствующего в RE, VIII A, критика новых частей RE за растянутость и неточность).

Религиозных проблем римской республики касается статья М. Ван Дорена (Гент) (III, стр. 488—497), посвященная исследованию политического значения *peregrina sacra*⁷.

В статье «Цицерон и Матий. К психологии революционной ситуации в Риме» (V, стр. 53—73) А. Хойс (Геттинген) возражает против общепринятой точки зрения, что в письмах Цицерона и Матия (август 44 г.) встречаются два понятия «дружбы»: политическое и римское у Цицерона и неполитическое и неримское у Матия⁸. В понятии *amicitia* у Матия Хойс усматривает выражение характера принятых у римлян личных отношений внутри политических групп, а в письмах их обоих — отражение отношения авторов к римской «революции»: деликатный Цицерон об этом не говорит, чтобы не задеть Матия; Матий, чье мышление не было столь ясным, вообще не осознал «революции». Ошибочные представления Хойса о римской «революции» и прежде всего чрезмерно психологизирующие методы приводят его к ошибочным выводам.

Но наиболее ярким примером ненаучных методов исследования может служить статья Дж. Г. Коллинса (Нью-Йорк) «Цезарь и разложение власти» (IV, стр. 445—465), рассматривающая развитие характера Цезаря под влиянием его усиливающейся власти. Анализируя источники и прибегая к многочисленным сравнениям с деятелями и событиями позднейшего времени (Наполеон, Людовик XIV, заговор против Гитлера), Коллинс приходит к заключению, что к концу жизни Цезарь стал циничным и гордым. Доказательство: «Правильнее будет сказать, что республика (нобилитет и Цицерон.— Я. П.) отвергла Цезаря, чем Цезарь отверг республику. Его блестящий гений разбился о невыполнимую задачу сделать республику способной господствовать в империи, и Цезарь прибегнул к деспотизму с презрением и, может быть, с горечью» (стр. 464—465). Сильным было также влияние Клеопатры в последние годы, когда Цезарь страдал манией величия. Вот к каким выводам могут привести ненаучные методы исследования.

Довольно пространная статья М. Рамбо (Лион) (III, стр. 346—378) является попыткой восстановить подробности и определить место битвы при Фарсале. Попытка автора основывается на мнении, что сообщение Цезаря в «*Bellum civile*» является тенденциозным и сознательно опускающим сведения об обстановке, а также топографические и метеорологические данные, могущие показать крайне неблагоприятное расположение войск Цезаря перед битвой.

Принципат. Г. Фолькман (Кельн) (III, стр. 81—86) вносит мелкие изменения в дополнения и интерпретацию глав 11 и 26 *Res gestae divi Augusti*, отстаивает точку зрения, что у Августа был *imperium maius*, и исследует цели *Res gestae*. Э. Т. Салмон (Онтарио) в статье «Эволюция принципата Августа» (V, стр. 456—478) доказы-

⁷ В пространной рецензии на книгу Н. Н. Scullard, *Roman politics* 220—150 B. C., Oxf., 1951, М. Гельцер критикует тезис автора о решающей роли «Групп» в римской политике той эпохи (I, стр. 634—642).

⁸ Хойс не знаком с углубленным разбором этого понятия в работе С. Л. Утченко, Идейно-политическая борьба в Риме накануне падения республики. М., 1952.

вает ту мысль, что юридическая основа положения Августа в государстве не явилась результатом осуществления ранее разработанного плана, а развивалась постепенно. Август с самого начала задумал удержать власть в своих руках, но осуществлял это постепенно, исходя из конкретных потребностей и чувства осторожности. Автор прослеживает этот процесс в подробностях с 27 до 2 г. до н. э., завершающего, по его мнению, развитие правовой основы власти Августа (титул *pater patriae*). Анализируя главным образом эпиграфические и археологические памятники, Г. Ниблинг (Франкфурт н/М.) (V, стр. 303—331) приходит к заключению, что началом официального государственного культа *lares* и *genia Augusti* (и первым годом эры *magistrorum vici*) нужно считать 7 г. до н. э.

Статья Ф. Г. Майера (Рим) «История римского населения и статистика надписей» (II, стр. 318—351) посвящена основным социальным проблемам римского общества. Автор стремится исследовать «роль рабов и вольноотпущенников в изменении структуры римского населения» (стр. 319). Решение этого вопроса, по его мнению, важно как для экономической истории Рима, так и для выяснения причин его падения. Можно ли вообще определить число рабов и вольноотпущенников в составе населения Рима? Майер приходит к следующим основным выводам: I. Общее число населения Рима установить нельзя; анализ методов, к которым приходится прибегать для решения этой задачи, показывает, что все наши данные являются неполными и должны дополняться субъективными догадками, часто опирающимися на аналогию с более поздними временами и даже современностью. Можно установить только очень приблизительные данные, которые не могут лечь в основу дальнейших точных исследований. II. Нельзя установить количество рабов (предположения колеблются между 127 000 и 500 000), а также число вольноотпущенников и потомков несвободного населения. Утверждение Франка, что число граждан, не свободных по происхождению, достигало 90%, несостоятельно. Статистика имен из сохранившихся надписей очень неполна, да и в наших критериях для определения происхождения по именам нет уверенности. III. По этим причинам установить происхождение несвободного населения нельзя; несвободное население восточного происхождения явно преобладало, но все-таки выводы Франка и Нильсона о влиянии ориентализации на падение империи надо принимать очень осторожно. IV. Об участии несвободного населения в экономической жизни мы располагаем также лишь общими данными (свидетельствующими о том, что оно было значительным); точные цифры (например, Гуммерус) могут ввести в заблуждение, так как они основаны на ненадежном учете имен в надписях.

Сведение Майером воедино результатов уже проведенных исследований и его отрицание расовых теорий Франка и Нильсона чрезвычайно ценно. Подробное изучение существа вопроса, а не только установление количественного соотношения имен должно показать, является ли скепсис Майера преувеличенным.

Значительное внимание уделяет журнал проблемам государственного и военного управления в эпоху принципата. А. Г. М. Джонс (Кембридж) в статье «Императорская и сенатская юрисдикция при раннем принципате» (III, стр. 464—488) исследует новые формы юрисдикции, касающиеся римских граждан. В гражданской юрисдикции при переходе к империи до решительной ломки понятий дело не дошло (развитие *appellatio*, начиная с поздней республики; при Августе его распространение в основном в Италии и в провинциях; первичная юрисдикция императора и консулов). В уголовной же юрисдикции, напротив, имела место решительная ломка (первичная юрисдикция императора и сената, но без права *provocatio ad populum*; ее законное основание). Развития имперского аппарата касается статья Пфлома (Париж) «Хронология карьеры Л. Цезения Соспеса» (II, стр. 431—450; его *cursus honorum* во времена Домициана — Адриана, CIL, III, 6818; различная политика Траяна и Адриана; должность префекта *frumenti* — табличка префектов на стр. 444).

Проблемы армии во время принципата освещают Э. Сандер (Берлин) в статье «К системе рангов римской армии: *gradus ex caliga*» (III, стр. 87—105) и Г. Р. Уотсон (Ноттингем) в статье «Жалованье в римской армии. Светоний, Дион и *quartum stipendium*» (V, стр. 332—340). На основании надписей и данных Домашевского Сандер ис-

следует развитие унтер-офицерского корпуса (*immunes, principales, beneficiarii, officiales*) в I—III вв. н. э. Уотсон изучает подробности выплаты жалования солдатам при Диоклетиане и — на основании данных папирусов — финансы солдат в Египте.

В статье Э. Кёстермана (Киль) «Процессы об оскорблении величества при Тиберии» (IV, стр. 72—106) исследуется отношение Тацита к Тиберию. Автор не согласен с существующей точкой зрения, что Тацит подбором и толкованием фактов очернил Тиберия; эта точка зрения основана главным образом на осуждении Тацитом процессов *majestatis* до 23 г. (Апп., IV, 6, 2). Анализируя эти процессы на основе первых трех книг «Анналов», Кёстерман пришел к мнению, что Тацит не только не подбирал компрометирующие Тиберия факты, но некоторые совсем опустил.

Идеологией Римской империи занимается Г. Вальсер в статье «Император как *vindex libertatis*» (IV, стр. 353—367). В процессе развития империи и в соответствии с ним изменялось и содержание традиционного термина *vindex libertatis*; для Августа он был (на монетах) пропагандистским лозунгом — император выдавался за «обновителя» республиканской свободы; при Клавдии содержанием этого понятия являлось освобождение римского народа от власти плохих императоров (уже не императоров вообще), а в области внешней политики — освобождение варваров от власти своих варварских владык; при Константине и Лицинии в исследуемом понятии отразился упадок империи: император защищает свободу населения от нападения варваров.

К периоду домината частично относятся две статьи, рассматривающие вечно живую и спорную проблему датировки и происхождения жизнеописаний императоров в «*Historia Augusta*». Э. Голь (Берлин) (IV, стр. 220—228) в противовес Г. Штерну отстаивает старый тезис Дессау, что авторы НА черпали нужные им сведения непосредственно у Аврелия Виктора, а значит, 360/361 год является *terminus post quem* для ее возникновения. А. Шастаньоль (Версаль) (IV, стр. 173—188), анализируя данные об италийских провинциях, содержащиеся в жизнеописании Тетрика (Trig. туг., 24,5), приходит к заключению, что датой опубликования НА является конец 397 — начало 398 г. (пропагандистские цели языческих сенаторов), а к концу 398 — началу 399 г. относятся редакция списка провинций, использованного Полемием Сильвием в качестве источника.

Все, кто занимается историей Римской империи, будут приветствовать сообщение о подготовке обширного коллективного научного комментария к «*Historia Augusta*» (I, стр. 652).

Доминат. Из источников наибольшее внимание привлекло жизнеописание Константина, приписываемое Евсевию⁹. Против авторства Евсевия высказывается П. Пети (Париж) в статье «Либиан и *Vita Constantini*» (I, стр. 562—582; сравнение с речами Либиана; первоначальный вариант жизнеописания написан до 348 или даже 340 г.; при Феодосии оно было переработано и приписано Евсевию; его целью было вызвать императора на решительные действия против язычников). Авторство Евсевия защищает И. Форт (Тюбинген) в статье «*Vita Constantini* Евсевия о конфликте между Константином и Лицинием» (II, стр. 463—471; рассказ о борьбе между императорами, содержащийся в жизнеописании, нельзя приводить как довод против авторства Евсевия). Против аргументации Пети направлена статья Ж. Моро (Саарбрюккен) «К проблеме *Vita Constantini*» (IV, стр. 234—245; автор ищет другое объяснение для совпадений в жизнеописании и у Либиана; выводы неубедительны)¹⁰. Наиболее общие проблемы творчества Либиана рассматривает П. Пети в статье «О публикации и распространении речей Либиана» (V, стр. 479—509). Историческая достоверность сочинений Либиана зависит от их целей и назначения. Либиан регулировал общественное назначение

⁹ См. A. P i g a n i o l, «*Historia*», I, стр. 82—84; П. Н. Т а р к о в, ВДИ, 1952, № 3, стр. 117.

¹⁰ Этот же автор публикует (V, стр. 254—256) сообщение «*Fragment, découvert à Sinope de l'édit de Constantin de accusationibus*».

своих произведений (для широкой публики — панегирики, для двора — политические речи, часто в форме реляции к высокопоставленным лицам, для узкого круга друзей — доверительные речи, например Ог. I). К сожалению, не всегда легко определить, для кого было предназначено произведение; в данном случае может помочь анализ стиля (интенсивность употребления риторических средств).

Общие проблемы поздней империи затрагиваются в статье В. Сестона (Париж) «От *comitatus* Диоклетиана к *comitatenses* Константина» (IV, стр. 284—296). Автор в противовес Д. ван Берхему защищает точку зрения Моммзена, что военная реформа начала домината явилась общим делом Диоклетиана и Константина в том смысле, что принцип двух армий и зародыши этих армий существовали еще при Диоклетиане, но что Константин завершил этот процесс и придал обеим армиям организационную основу. Далее автор исследует подготовленность Диоклетиана к обороне границ, а также его *comitatus*.

Наибольшее внимание привлекает к себе личность и особенно религиозная политика Константина. Предметом рассмотрения в статье И. Штрауба (Бонн) «Отречение Константина на пути к Капитолию» (IV, стр. 297—313) являются две «проблемы»: момент обращения Константина в веру и его христианское «*Sendungsbewusstsein*». В таком же духе написана статья И. Карайанопуло (Афины) «Константин Великий и культ императора» (V, стр. 341—357). Автор опровергает утверждение Т. Прегера, что Константин почитался как бог и был отождествлен с Гелиосом. И. Фогт (IV, стр. 339—352) рассматривает развитие суждений Юлиана о Константине от панегириков (356 и 358/59 гг.) к прямым нападкам в *Συμπόσιον ἡ Κρίσις* (362/3 г.).

Статья А. Альфельди (IV, стр. 131—150), посвященная «идеологической тематике» росписей на потолке в императорском дворце в Трире, является скорее произведением публицистического характера, чем научным исследованием.

Процесс развития региональной префектуры претория и восстановление списка префектов в 337—361 гг. исследует Ж.-Р. Паланг (Экс-ан-Прованс) (IV, стр. 257—263). А. Г. Джонс (IV, стр. 229—233) прослеживает карьеру префекта претория Востока Флавия Филиппа (IV в. н. э.).

К. Ф. Штрохекер (IV, стр. 314—330) исследует предысторию союза римских сенаторов-язычников с высокопоставленными военными чиновниками франкского происхождения, закончившуюся после смерти Валентиниана II, когда Арбогаст провозгласил императором ритора Евгения и правил от его имени в течение двух лет в западной части империи. Автор прослеживает карьеру франкских полководцев при преемниках Валентиниана I, их отношение к Риму и их связи с языческой интеллигенцией.

Дж. Бегнан (Торонто) в статье «Перегрин Протей и христиане» (IV, стр. 107—112) стремится воспроизвести биографию этого христианина, а позднее киника, жившего во II в. н. э. Дж. Дауни (Вашингтон) (IV, стр. 199—208) прослеживает развитие термина «филантропия» и его отношение к христианской *ἀγαπή* в IV в. н. э., рассматривает влияние языческой философии на христианство.

Несколько статей посвящено проблемам *римских провинций*. Особенное значение имеют прежде всего сообщения об археологических раскопках (об этом см. ниже).

У. Каршtedт в статье «Территории Патр и Никополя во времена империи» (I, стр. 549—561) рассматривает подробности территориального деления провинции Ахайи в первом веке империи; А. Э. Бок (Мичиган) в статье «Население римского и византийского Караниса» (IV, стр. 157—162) на основании данных папирусов прослеживает существенное сокращение населения Египта в промежутке между 171/2 и 310 гг. н. э.

Одна статья — Э. А. Томпсона (Ноттингам) «*Passio S. Sabae* и раннее вестготское общество» (IV, стр. 331—338) — касается вопросов *общественной организации варваров*. Томпсону удалось на основании данных, упоминаемых *passio* (Саба был замучен в 372 г.), восстановить некоторые черты родового общества вестготов в IV в. н. э. В вестготской деревне господствует демократия и крепкая родовая солидарность. Вестготская знать оказывает давление на общину при помощи совета конфедерации, кото-

рый еще, очевидно, не имел принудительной власти. Прежнее равенство эпохи Тацита в IV в. н. э. исчезло. Богатство, а с ним и власть, сосредоточились в частных руках, и уже в эпоху Ульфила среди вестготов существовало резкое имущественное разделение. Христианство, очевидно, было распространено среди низших слоев населения. Статья Томпсона показывает, как сильно может помочь при изучении «варварских» источников знание и понимание основ родового строя, хотя автор нигде прямо не ссылается на сравнительный материал.

Ряд статей посвящен также истории Византии.

Сообщения об археологических раскопках (поскольку они не были затронуты выше). Ф. Г. Майер (Тюбинген) в статье «К истории города Старого Пафоса» (III, стр. 121—125) сообщает о результатах английских раскопок 1950—1953 гг., охватывающих период от халколита до классической эпохи. П. М. Дюваль (Париж) (V, стр. 238—253) характеризует основные места и результаты раскопок 1941—1955 гг., имеющих значение для изучения истории Галлии периода от 600 г. до н. э. до конца Римской империи, и дает подробный перечень литературы по этому вопросу. В. Шлейермахер (Франкфурт н/М.) в статье «Римская археология на Рейне от 1940 до 1950 гг.» (II, стр. 94—110) изучает «поселения городского типа» (*stadtartige Siedlungen*) со слабым римским влиянием, расположенные на местах кельтских *oppida* в период, последовавший сразу же после смерти Цезаря: Кельн, Страсбург, Трир, а также исследует вопросы о *limes* и *terra sigillata*.

Отметим также статью Ж. Ж. Хатта (Страсбург) (II, стр. 234—241), характеризующую — в историческом аспекте — результаты раскопок Страсбурга, исследование Г. Штадтмюллера (Мюнхен) (III, стр. 236—251), представляющее собой попытку восстановить римскую дорожную сеть в южной Албании и Эпире посредством комбинации сообщений *Itineraria* и археологических данных. Р. Фелман (Брюгге) в статье «Новые исследования Швейцарии позднеримского времени» (IV, стр. 209—219) стремится уяснить картину перехода от IV к VI—VII вв. посредством комбинации результатов самых последних археологических исследований и литературных данных.

Римской эпиграфике посвящены три маленькие заметки, датирующие и интерпретирующие надписи: CIL, VI, 12 (Ф. Бёмер, III, стр. 252—253); CIL, VI, 9635 (он же, IV, стр. 114—115); CIL, XVI, 81 (Пфлом, II, стр. 364).

Нумизматике посвящены прежде всего обобщающее исследование Дж. К. Дженкинса и Р. А. Дж. Гарсона «Греческая и римская нумизматика, 1940—1950» (II, стр. 214—234), затем статья К. Христа (Мюнхен) «Исторические проблемы греко-сицилийской нумизматики» (III, стр. 385—395). Автор исследует основания и правильность исторических выводов, то интерпретируя изображения на монетах, то анализируя целые клады. Он дает таблицу находок с указаниями литературы, датой и перечнем находок и пытается восстановить картину обращения денег в V—III вв. до н. э.

Нам остается упомянуть о трех заметках историографического характера. М. Гельцер во II томе на стр. 378—380 опубликовал краткую биографию Ф. Мюнцера, павшего 20.X.1942 г. жертвой расового преследования в Терезине. К. Б. Уэллс составил (V, стр. 358—381) библиографию работ М. Ростовцева, включающую 444 названия. Интересную попытку оценить значение Гиббона предпринял А. Момиляно в статье «Вклад Гиббона в исторический метод» (II, стр. 450—463). Автор считает, что величайшая заслуга Гиббона не ограничивается высказыванием открывающих дорогу новому идей, воспринятых от Монтескье и Вольтера. Передовым является то, что эти философские идеи он соединил со всем объемом знаний и методами исследования, накопленными поколениями ученых-историков в результате изучения древностей, и таким образом слил воедино казалось бы несоединимое. Другим выдающимся вкладом Гиббона в науку было соединение религиозной и светской истории.

В информационной части ежегодника, в разделе сообщений о журналах, самое значительное, а в последнее время почти исключительное место занимают сообщения Б. Шпулера о журналах «Советская археология» и «Вестник древней истории». В этих сообщениях Шпулер дает краткое содержание статей, опуская редакционные передовые «Вестника древней истории» и некоторые принципиальные теоретические

статьи; с помощью кавычек и в примечаниях он отмежевывается от марксистских выводов.

Несколько слов в заключение. Большая часть статей, помещенных в рассматриваемом журнале, отличается высоким исследовательским уровнем. Однако наряду с ценными исследованиями встречается ряд подробных решений совсем незначительных вопросов, в то время как основным проблемам, особенно экономическим и общественным, посвящено минимально мало внимания. В тех же случаях, когда авторы ставят более широкие проблемы, в большинстве своем они проводят традиционные, часто модернистские, теории или приходят, как, например, Нильсон, к совершенно антиисторическим выводам.

Ян Печурка (Прага)

ИЗ НОВОЙ ЮГОСЛАВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

(Краткие аннотации)

В современной югославской литературе по древней истории преобладают работы, посвященные прошлому югославской территории, северных областей Балканского полуострова и придунайских стран. Встречаются также работы по истории Греции и Рима или по истории античной культуры, но их немного и они посвящены лишь некоторым специальным вопросам. В настоящем обзоре вначале будут рассмотрены публикации эпиграфических памятников, далее исследования из области эпиграфики, древней ономастики, исторической топографии, работы, посвященные отдельным вопросам античной культуры, и т. п. Затем рассматриваются работы, построенные преимущественно на археологическом материале.

D. Rendić-Miočević, Novi i neobjeđanjeni natpisi iz Dalmacije, «Vjesnik», LIII (1952), стр. 211—232. Публикация более сорока латинских надписей эпохи империи из различных мест Далмации, преимущественно с адриатического побережья. Среди них — votивы и надгробия, интересные наличием местных имен и принадлежностью некоторых посвятителей к категории вольноотпущенников. Интересна надпись в честь Геренния Ясона, префекта *collegii fabrum et centonariorum*, содержащая перечисление его званий и должностей (№ 36). Памятная надпись Марка Сатрия Валента, вольноотпущенника и севира, соорудившего памятник себе, жене, детям, *libertis libertabusque eorum* (№ 24), любопытна по своей необычной формуле.

M. Suić, Novi natpisi iz sjeverne Dalmacije, «Vjesnik», LIII (1952), стр. 233—248. Публикация 36 надписей из северной Далмации (Либурнии), среди которых несколько votивов Юпитеру, Сабазию, нимфам. Весьма любопытен votив с фрагментированным рельефным изображением Дианы на стеле с подписью: *D(ianae) a(ugustae) s(acrum) [E]uhemer(us) servus Aug(usti) v(otum) l(ibens) s(olvit) m(erito)*.

Имеются также посвящения Сильвану и два votива императорам III и IV вв. Кариу и Грациану. Интересен votив *maenae deorum matri augustae* на фрагментированной стеле с изображением богини, совершенный некоей Верридией Психе, из древней Сении, где найдены также и остатки самого метроона, сооруженного из красного мрамора (см. «Arheoloska istrasivanja u Senju», там же, стр. 251 сл.).

D. Rendić-Miočević, Novi ilirski epigrafski spomenici iz Ridara (Municipium Reditarum), «Glasnik», VI (1951), стр. 49—64. Публикация 16 латинских надписей, найденных на территории древнего Ридера (совр. Данило, близ Шибеника). Три надписи содержат посвящения Сильвану, одна — Юпитеру, остальные представляют собой почти исключительно надгробия позднеримского времени, с местными именами,